

В. Л. КЛЯУС
(Москва)

ЦЕРКВИ ТРЕХРЕЧЬЯ¹

Аннотация. Статья посвящена православным храмам Трехречья, китайской территории в бассейне рек Ган, Хаул и Дербул, правых притоков Аргуни. Даются сведения о церквях периода 1920—1950 гг., когда здесь проживало значительное число эмигрантов из России. Приводятся материалы по ныне действующей православной церкви в г. Аргуни и часовне в с. Шивэй, прихожанами которых являются китайские русские, а также по другим сооружениям, имеющим облик культовых зданий. Фольклорный материал, записанный автором от китайско-русских метисов, значительно дополняет историю трехреченских церквей в период второй половины XX — начала XXI в.

Ключевые слова: православие в Китае, Трехречье, фольклор китайских русских.

История православия в Трехречье неотделима от истории церквей в этом регионе. Наиболее ранний из известных мне списков храмов, некогда стоявших на земле Трехречья, составлен М. Шестаковым и опубликован им в «Вестнике Казачьей выставки в Харбине 1943 г.» [Шестаков 1943]. Следующие по времени списки относятся к началу 2000-х гг. С. С. Троицкой, автором книги «Харбинская епархия. Ее храмы и духовство», вышедшей в Сиднее, и А. П. Тарасовым, автором монографии «Забайкалье и Китай. Опыт анализа международных связей», вышедшей в Чите, была проделана большая работа по выявлению истории трехреченских церквей и их духовенства [Троицкая 2002, Тарасов 2003]. Основными источниками С. С. Троицкой были книга Е. Е. Сумарокова «XX лет Харбинской епархии», харбинские журналы «Хлеб небесный» и «Рубеж» (при этом, видимо, заметка М. Шестакова ей знакома не была), а также воспоминания бывших трехреченцев, уехавших в Австралию. А. П. Тарасов опирался на дру-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-04-00449.

гие источники — архивные материалы ФСБ России по Забайкальскому краю и публикации китайских историков. Оба исследователя приводят лишь краткие сведения о той или иной церкви в трехреченских поселках, подавляющее большинство из которых простояли до конца 1950-х гг.

М. Шестаков упоминает 12 трехреченских церквей, храмов, молитвенных домов и мужской монастырь Владимирской Божией матери [Шестаков 1943, 193—194]. В книге С. С. Троицкой рассказано о 15 церквях, 3 молитвенных домах и также о монастыре [Троицкая 2002, 88—92]. В монографии А. П. Тарасова даны сведения о 17 церквях (6 названий не указано) и о «Владимирской обители» [Тарасов 2003, 268]. Во всех этих списках есть расхождения, поэтому постараемся свести их воедино.

1. Главным православным храмом Трехречья считался казачий Кафедральный собор (см.: [Шестаков 1943, 193]) в станице Драгоценка (сейчас — п. Санхэ). Из книги С. С. Троицкой узнаем, что в Драгоценке в 1932 г. была построена церковь в честь святых апостолов Петра и Павла, которая в 1940 г. была объявлена Сретенским казачьим собором (видимо, еще называлась и Сретенским храмом) [Троицкая 2002, 88]. По данным А. П. Тарасова, он назывался и Сретенско-Петропавловской [церковью], которая, как сообщает автор, была построена в 1932 г., а перестроена в 1939 г.;

2. п. Верх-Кули (Шанкули) — церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы (1929);

3. п. Покровка (Банньчжалага) — Казанско-Богородицкий храм (1939);

4. п. Верх-Урга (Шануэргэнь) — церковь в честь Архистратига Божия Михаила (1934);

5. п. Усть-Урга (Сяуэргэнь) — церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы;

6. п. Ключевая (Сянхулин) — Казанско-Богородицкая церковь (1921, перестроена в 1932);

7. п. Дубовая (Шанхулин) — церковь в честь Святителя и Чудотворца Николая;

8. п. Тэнихэ — церковь в честь Архистратига Божия Михаила;

Служба в Сретенско-Петропавловском соборе станицы Драгоценка. Кадр из кинохроники 1930-х гг.

9. п. Усть-Кули (Сякули) — церковь в честь свв. Флора и Лавра;

10. п. Тулунтуй — Свято-Благовещенская церковь;

11. п. Попирай (Тоньдзетуй) — церковь Покрова Пресвятой Богородицы;

12. п. Челотуй (Цилоту) — «Успенский молитвенный дом» [Троицкая 2002], «приходской храм» Успения Пресвятой Богородицы [Шестаков 1943], церковь Успенской Божьей Матери [Тарасов 2003];

13. п. Найджин-Булак (Нацзибулаге) — церковь в честь Святителя и Чудотворца Николая (1937);

14. п. Кыцынор — Алексеевская церковь (1925—1929);

15. п. Ацан — церковь в честь Вознесения Господня;

16. п. Улуси — церковь в честь Казанской иконы Божьей Матери;

17. п. Чинкир² — молитвенный дом (название неизвестно);

18. п. Караганы (Калаган) — молитвенный дом пророка Божия Ильи.

На том экземпляре книги С. С. Троицкой, который оказался доступен мне, есть помета одного из читателей (видимо, жителя Трехречья, живущего сейчас в Австралии) о том, что церкви были еще и в поселках Щучье (Сучин) (19) и Баржакон (в настоящее время не существует) (20). Действительно, о церкви

² Китайские названия поселков Кыцынор, Ацан, Улуси, Чинкир мне неизвестны.

в Щучьем мне рассказывали живущие сейчас там метисы. По сообщению китайских русских, часовня была также в Караванной (Эньхэ) (21).

К списку русских храмов Трехречья необходимо добавить старообрядческие церкви Успения Пресвятой Богородицы в п. Верх-Кули (Шанкули) (22) и Покрова Пресвятой Богородицы в п. Покровка (Банньчжалага) (23) [Шестаков 193—194], о которых С. С. Троицкая, естественно, ничего не написала, так как те не входили в Харбинскую епархию Русской православной церкви, а принадлежали белокриницкому согласию последователей протопопа Аввакума. А. П. Тарасов пишет, что в Трехречье было «три старообрядческие церкви». Но далее называет только две: «Успенская в п. Верх-Кули и в п. Покровка». О какой третьей старообрядческой церкви идет речь — неясно. Возможно, это опечатка в цифре. Относительно церкви в п. Покровка сказано, что она сгорела в 1942 г. [Тарасов 2003, 268]. До постройки Успенской церкви в Верх-Кулях в 1932—1934 гг. существовала «церковь-землянка», освященная в 1922 г. [История 1940, 5].

Был в Трехречье и свой монастырь — Владимирский мужской монастырь (24). Его основали в 1937 г., и находился он в верховьях реки Ган в п. Солнечный. С. С. Троицкая называет его «Богородице-Владимирским», М. Шестаков дает,

видимо, более точное наименование — мужской монастырь Владимирской Божьей Матери. Ко дню монастырского престольного праздника жители трехреченских селений совершали к нему паломничество, идя крестными ходами со своими священниками во главе, с иконами и хоругвями. «Накануне праздника к вечернему богослужению все уже были в монастыре, — пишет С. С. Троицкая. — В день престольного праздника утром на литургии народу было так много, что церковь не вмещала пришедших, была полна церковная ограда и вне ее. После окончания богослужения всем богомольцам предоставлялось угощение, приготовленное монахами и женщинами-богомолками, прямо во дворе, на траве. Монахи заготавливали бочки медового кваса. После обильного угощения богомольцы отдыхали несколько часов перед тем, как двинуться в обратный путь. Колокольный звон поднимал гостей, они брали иконы и отправлялись в свои поселки. Участники крестного хода из дальних поселков шли несколько дней, ночуя в поле или степи. Это было торжество для всего православного Трехречья» [Троицкая 2002, 91].

Пожилые трехреченские метисы помнят об этом совсем немного: «Монастырь был. Ходили туда молиться а тожа. В монастырь какой-то праздник был, но все трудились, ходили, молились. А я не ходила. Я тада небольшая была. Они перва дубовски, ключевски, драгоценски, там от мастыря-то недалеко. Оне то все ходили, а мы то здесь далёка, не ходили и не ездили туда» (Зап. от Е. М. Полниковой, 1937 г. р., метиски, с. Эньхэ) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2013. HD1].

Из другого свидетельства узнаем, что ходили к монастырю на Девятую Пятницу и что монастырь якобы был женским: «А в этот, в Девяту Пятницу всегда в Ургу в этот монастырь ходили. Пешкам. Далёко. Далёко ходили. Трудились. <Соб.: Большой был монастырь?> Ну. <Соб.: Он был мужской или женский?> Женский. Ага, женский» (Зап. от Т. И. Бакшеевой, 1945 г. р., метиски, г. Эргуна) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2013. HD1].

Тамара Ивановна, конечно, ошибается, называя трехреченскую Владимирскую обитель женским монастырем.

И эта ошибка, скорее всего, абберрация детского воспоминания, так как в престольный праздник в нем оказывалось много женщин, помогавших монахам принимать паломников. Дни памяти Иконы Владимирской Божьей Матери — 21 мая, 23 июня и 26 августа (по ст. с.). Скорее всего, к монастырю ходили на 23 июня (6 июля по н. с.), когда были наиболее благоприятные погодные условия для долгого пешего пути, ведь идущим издалека паломникам приходилось даже ночевать в дороге под открытым небом. 21 мая (3 июня по н. с.) в Трехречье еще прохладно, а 26 августа (8 сентября по н. с.) уже по-осеннему холодно. И именно на середину июня — начало июля могло приходиться празднование Девятой Пятницы после Пасхи, переходящего праздника, который почитается китайскими русскими до сих пор. Этим можно объяснить и вторую неточность Т. И. Бакшеевой, которая, как и другие метисы, в силу объективных причин была далека от знания православного календаря.

Таким образом, в Трехречье в разное время с 1920-х по 1960-е гг. было не менее 24 культовых строений, в число которых входят монастырский храм, собор в Драгоценке (Санхэ), церкви, молитвенные дома и часовни других поселков, включая Караванную (Эньхэ). Но это только то, что нам известно более или менее точно. На самом деле, конечно, культовых зданий было больше, так как еще не выявлены все трехреченские часовни. А они были, видимо, при каждом русском кладбище (см.: [Жернаков 1975, 18]).

Согласно данным А. П. Тарасова, первой церковью в Трехречье была Казанско-Богородичная в п. Ключовый, открытая в 1921 г. [Тарасов 2003, 268]. С. С. Троицкая же считает, что первой была Алексеевская церковь в п. Кыцынор, построенная в 1925 г. (правда, в 1929 г. ее закрыли во время советско-китайского конфликта) [Троицкая 2002, 89]. Судя по сводной таблице А. П. Тарасова, все трехреченские церкви закрылись в 1954—1956 гг. Но все же, по записанным мной рассказам метисов, дольше всего, видимо, функционировала церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Попирае (Тонь-

дзетуй), о которой ни С. С. Троицкая, ни А. П. Тарасов ничего не сообщают. Ее последним священником был о. Александр (Молоков), по рассказам моих респондентов уехавший в Россию, а за церковью после его отъезда смотрел псаломщик Дмитрий, который и умер в Попирае. За давностью лет некоторые респонденты объединяют их в одно лицо. Могила псаломщика сохранилась, ее можно увидеть с правой стороны от дороги, входя в поселок со стороны Щучьего (Сучин).

По сообщению моих респондентов, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. в Тоньдзетуй к о. Александру (Молокову) свозили иконы и церковную утварь из уже опустевших церквей Трехречья. Люди надеялись, что там они будут целее, но церковь вместе со всем, что в ней было, сгорела. Видимо, понимая, что у кого-то из метисов хоть что-то сохранится, о. Александр уже сам отдавал из нее некоторые вещи. Петр Васильевич Ерохин из Щучьего (Сучин), показывая божницу в своем доме, рассказал: *«А распятье это ранешно, это из церкви. Я раньше вот с этим священником Александром Павловичем-то очень был в хороших отношениях, какие у него, может, какие дела, я помогал тоже. И вот он от это... иконы, вот это распятье всё из цервы мне дал»* (Зап. от П. В. Ерохина, 1935 г. р., метиса, п. Сучин) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2007. HD1].

Батюшка Александр был очень строгих нравов, о нем до сих пор вспоминают: *«Не пил и не курил. Обеды делают, покушаешь, покушаешь, и его повезут. Гулять нельзя, гулять-то, гармошку играть нельзя. Нельзя. Батюшка идёт — скорее гармошку прятать, прятают. А те хорошо сидят, ни песен не поют, никак»* (Зап. от М. А. Макаровой, 1930 г. р., метиски, с. Сяньян) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2014. HD1]. Относительно же псаломщика она утверждает, что тот пил вино «крадче», т. е. втайне от всех.

Строгость о. Александра навеяла представления о том, что то ли он, то ли псаломщик был старовером. Федора Гладкова рассказывает: *«А Батюшка-то не курил — старовер, у нас в Попирайске, старовер был. Он, батюшка, да ишо не так, как от — псаломщик-та, с ним который певчий-та, ага, он старовер»*

<Соб.: А как его звали?> Батюшку звали Александр. А его-то как же? Димитрий или как ли, ну никак не могу припомнить. Он не в нашем поселке, в Попирае. От от Щучьего-то Попирай! <...> Старовер, старовер он был. Псаломщик-то был старовер» (Зап. от Ф. Гладковой, 1938 г. р., метиски, с. Эньхэ) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2007. HD1].

Утверждения, будто о. Александр похоронен в Попирае и о том, что он был старообрядцем, неверны. В Попирае похоронен псаломщик, о котором метисы помнят намного меньше. Относительно того, что попирайский священник не принадлежал к древлеправославию можно судить по описанию, как он крестил взрослых: *«Больши — только помочет <голову> <...> Сам ходит, они за ём хо... тожа идут, три раз, три раз, три раз. Кру... кругом. <...> Батюшка ходит, они за ём, потом тожа вода, потом мочатся три раз»* (Зап. от М. А. Макаровой, 1930 г. р., метиски, с. Сяньян) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2014. HD1].

Образ попирайского священника, единственного, которого помнят метисы, подобрал в себя черты и о. Александра (Молокова) и псаломщика Дмитрия. Не ясно, о ком рассказывает Иван Бутин, говоря о «бате»: *«Вино не пил, табак не курил. Холостой век был. Но ему коло восемьдесят лет он умер, в Попирае его похоронили»* (Зап. от И. И. Бутина, 1939 г. р., метиса, г. Эргуна) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2007. HD1]. Даже Иван Васильевич Васильев, который, несмотря на годы, прекрасно помнит многих трехреченцев, говорит о них, как об одном лице: *«В Попирае был Александра, отец Александр. Я его привозил сюды к нам, покрестили ребятишек. Потом он в Усть-Уров ездил, там покрестил. Так тут умер в Попирае. Там посёлок, ага, тама церков <была>. Я вот так, тогда ездил, это, на Щучью мимо, это, могилко проехал, посмотрел его могилу, всё в порядке»* (Зап. от И. В. Васильева, 1921 г. р., метиса, с. Эньхэ) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2011. HD1].

Действительно ли в последней трехреченской церкви в Попирае служили православный священник и старообрядческий псаломщик? Это кажется невозможным, но порой жизнь людей ставит в невероятные условия. Хотя

по истории взаимоотношений двух русских церквей и имеющимся материалам утверждать это с полной определенностью нельзя, в представлении китайских русских Трехречья это было именно так.

После ухода русских из Трехречья церкви использовали под клубы, склады, гостевые дома, разбирали на дрова или просто сжигали. А в годы Культурной революции уничтожали и прихрамовые кладбища.

Так произошло в Верх-Кулях (Шанкули): Покровскую церковь сожгли, а тех, кто был похоронен в ее ограде, вытащили из могил. Об этом рассказали Г. М. Пахарукова и М. Харин, муж и жена, которые приехали в Шанкули в конце 1950-х гг.:

<М. Х.:> *Тогда в революцию были эта, Покровска.*

<Г. П.:> *Но сгорела, сгорели.*

<М. Х.:> *В Покровка эта церкви были. Это как?* (произносит слово по-китайски. — *Соб.*)

<Г. П. переводит:> *Батюшка.*

<М. Х.:> *Батюшка там хоронили. Похоронен, ага. Всё вытащили!* <...> *Не. Не батюшку! Кто там?*

<Г. П.:> *Это кто? Это строили церкву-та. Оне умерли, их похоронили.* <...> *Да тама, ограда! Кусты все были, вот возле кустов похоронили* (Зап. от Г. М. Пахаруковой, 1944 г. р., и М. Харина, 1946 г. р., метисов, п. Шанкули) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2007. HD1].

Перестраивали трехреченские церкви и часовни не только на дома, но и на туалеты. Так произошло, по рассказу Федоры Gladковой, с часовней в Эньхэ (Караванной): *«Мёртвым не было спокую <...> У нас на могилах была часовня, а разобрали и привезли, и из её сделали туалет. Вот така была фигура»* (Зап. от Ф. Gladковой, 1938 г. р., метиски, с. Эньхэ) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2007. HD1].

В России, как известно, в годы советской власти происходило то же самое. И почти в каждом поселении и по сей день можно услышать поучительные истории о том, что люди, которые разрушали церкви, были наказаны болезнями и преждевременной смертью. При этом не только они сами, но также их родные и близкие.

Среди метисов Трехречья подобных рассказов не зафиксировано³, но всё же идея несправедности осквернения Божьего дома присутствует в сообщениях о том, что в покинутой церкви чудится, творится что-то неладное с теми, кто там поселился, пусть даже и временно.

Подобное происходило, к примеру, в церкви п. Щучье (Сучин), который долгое время был центром уезда. Н. И. Григорьева, родившаяся в Караванной и вышедшая замуж в Щучье в 1957 г., рассказывает: *«Я тут, я сюды приковывала уж не было церкви. Не было. Была, стояла. Церква стояла, но не было ни батюшки, ни матки, ничё не было. Все ушли. <...> Потом в ей тут китайцы заковывали и жили в ей, церкви етай. <...> Чё-та они говорят, они в церкви жили, там чудилось, чудилось. А каго чудилось-то, хто знат? <...> Там жила китаянка, она гыт — чудится ночью там. Всё, гыт, это. ... <...> Там стучит, тут стучит. <...> Боялись, потом укочевали! <...> А раньше, говорят, батюшка ли, кто ли умрет, то там в ограде хоронят, ага. Видно люди, там покойник, похороненный батюшка ли кой-то. Не знаю я ейто»* (Зап. от Н. И. Григорьевой, 1937 г. р., метиски, п. Сучин) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2007. HD1].

И это не единственный рассказ о том, как чудилось в щучьинской церкви. От Анны Дьячковой и Зои Кузьмичевой, которые родились и выросли в этом поселке, я услышал историю о том, что происходило в церкви, когда там жили геологи. В основном рассказывала З. Кузьмичева, но так как она плохо владеет русским языком, то говорила по-китайски, а А. Дьячкова переводила на русский, лишь добавляя некоторые детали: <А. Д.:> *«Приезжали вот это от, оттудова, но смотрели, что по сопкам ездили кто-то, где камни золотые ли уж там какие. Вот оне тута,*

³ Не зафиксировано то, что относится к периоду Культурной революции. Но вот совсем недавно, в 2010 г., в Эргуна в два городских храма забрались воры. Сначала они обворовали православный, затем полезли в протестантский храм. Вдруг приехала полиция, и один из воров, пытаясь убежать через крышу, сорвался и разбился. Китайские русские оценивают его смерть именно как наказание за осквернение Божьего храма.

их, но вот жили они. <З. К.:> Жили оне. В церкви жили! <А. Д.:> Когда вечером легли спать, и обувки всё сняли, а утром встали — обувки у них все на улице брошены. Выбросили. Вот! Это правда, говорили. Вот. <...> Это заходишь когда на эту. Зайдешь, но зайдешь когда в избу-то (зд.: в здание церкви. — Соб.). Их же эта, где батюшка-та, пел-та. Тужы же вот эдак надо залезать, да ли, ну, как лестница-то. Оне же там спали, повыше (видимо, в алтарной части. — Соб.). А потом утром встанут — оне уж тут все. Все внизу! Вот. <...> А, но, батюшка тут, гыт, вот возле церкви, гыт, в огаде похоронен батюшка был. <...> <А. Д. после разговора с З. К. по-китайски уточняет:> Вот псаломщик там похоронен-та, а не батюшка» (Зап. от З. Кузьмичевой, 1954 г. р., и А. Дьячковой, 1951 г. р., метисок, п. Сучин) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2007. HD1].

В обоих случаях, рассказывая о том, что чудилось в церкви, респонденты упоминали, что возле нее был похоронен один из священнослужителей, тем самым как бы намекая на то, что душа покойного мешала людям, ночующим в храме. Дальнейшая судьба церкви была довольно типичной: ее разобрали и из бревен построили гостиницу, в которой останавливались приезжающие в поселок начальники. Ничего необычного в этом здании уже не происходило.

С начала Культурной революции в жизни метисов и тех немногих русских, кто еще оставался в Трехречье, происходят серьезные перемены. В «Постановлении Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о Великой пролетарской культурной революции» от 8 августа 1966 г. говорилось: «Хотя буржуазия уже свергнута, она, тем не менее, пытается с помощью эксплуататорской старой идеологии, старой культуры, старых нравов и старых обычаев разложить массы, завоевать сердца людей, усиленно стремится к своей цели — осуществлению реставрации. В противовес буржуазии пролетариат на любой её вызов в области идеологии должен отвечать сокрушительным ударом и с помощью пролетарской новой идеологии, новой культуры, новых нравов и новых обычаев изменять духовный облик всего общества» [Постановление 1966].

Но с 1980-х гг. внутренняя политика в КНР по отношению к религии стала меняться, в том числе это коснулось и православия — еще в 1986 г. в Харбине власти разрешили вести богослужения в Покровской церкви. В 2004 г. в КНР были приняты «Положения о религиозных делах», регулирующие взаимоотношения государства и верующих и существенно расширявшие свободу вероисповедания граждан, однако Китайская автономная православная церковь так до сих пор и не институционализирована (см. [Лукин 2013]).

Интересно, что задолго до принятия «Положений» в 1999—2000 гг. в Эргуне было построено здание церкви — оно встречает всех въезжающих в город со стороны Хайлара. Правда, простояло здание пустым почти 10 лет — церковь была освящена лишь в 2009 г. в честь святителя Иннокентия Иркутского. Мне удалось побывать внутри до освящения (в 2007 г.), перед самым освящением (в августе 2009 г.) и когда в ней уже постоянно велись службы (в 2010 г.). Не передать словами то, что я увидел в 2007 г.! Если снаружи всё было довольно пристойно, то внутри горами лежал строительный мусор, а на алтарную стену была прикреплена красная бумажка, которую в Китае вешают на воротах дома перед наступлением китайского Нового года. К августу 2009 г. внутреннее убранство церкви преобразилось: алтарную часть украшал резной иконостас, изготовленный в Софрино, на побеленных стенах висели иконы. В 2010 г. я увидел в храме несколько старых икон, которых раньше здесь не было. По словам Павла Сунь, смотрителя храма, исполняющего одновременно роль священника, они когда-то находились в Соборе в Драгоценке. Метисы их сохранили от поругания и уничтожения, а теперь передали в новый главный храм Трехречья.

Так православие возвращается в Трехречье. Кое-что из разрушенного в годы Культурной революции здесь уже восстановлено. И происходит это прежде всего потому, что здесь живут православные метисы, которые сохранили русские традиции. На нескольких «крестовых» горах возле бывших русских поселков можно увидеть кресты. Некоторые из метисов восстановили

даже обетные кресты, когда-то поставленные их родителями. В домах православных метисов появились божницы. Старых икон, правда, почти нет, в основном новые, привезенные или присланные из России, Австралии и даже из Америки. Православные кладбища отличаются от китайских и монгольских тем, что над могилами стоят кресты, на которых по старой русской традиции прикреплены маленькие иконки. Появились даже часовенки — в с. Олочи (Шивэй) часовенка была уже в 2006 г., на кладбище в Эньхэ часовню начали строить в 2010 г.

Караванскую часовню в июне 2014 г. я видел еще недостроенной. Она находится на очень живописном месте, возвышаясь над кладбищем. Уже сейчас она является символическим знаком того, что Эньхэ — село православных китайских русских. Единственное, о чем неодобрительно отзываются метисы, — это неудобное расположение часовни. Пожилым людям, если она будет достроена, очень сложно подниматься в гору, чтобы зайти в нее и помолиться.

Необходимо сказать, что в Эньхэ есть еще одно строение, внешне напоминающее церковь, — в нем находится историко-этнографический музей русской культуры, открытый в 2009 г. Расположен он сразу за зданием администрации поселка, глядя на фасад которого можно видеть возвышающийся крест. Если присмотреться, то оказывается, что этот крест ориентирован неправильно относительно «алтарной части» музея-церкви. Но если бы он был поставлен так, как должно, то был бы плохо виден для тех, кто стоит перед администрацией. Справедливости ради отметим, что в ротонде купола музея его организаторы разместили иконы, репродукции икон и картин христианской тематики, а также другие атрибуты православия — веточки вербы, крашенные яйца, пасхальные куличи, свечи. К сожалению, на некоторых фотографиях это строение указывается как храм в Эньхэ (см., например: [Православие 2010, 211]).

Часовенка в Олочи (Шивэе) предположительно была построена в начале 2002 г.⁴ Поставлена она на берегу

⁴ Может быть, на год-два позже. В любом случае, в 2006 г. часовенка была сфотографи-

впадающей в Аргунь небольшой речки к востоку от поселка. Рядом с ней, буквально в пяти метрах, находится китайская кумирня. По своему архитектурному облику часовенка и похожа на эту кумирню: прямоугольная кирпичная коробка, ориентированная на запад-восток с «дверью» и «окнами», направленными на юг. Отличает ее от китайской кумирни то, что она раза в три больше размерами и на ее крыше водружен шестиконечный православный крест. Правда, он, как и «фасад» часовни, ориентирован на юг-север. Освещения часовенки каким-либо церковным иерархом, судя по всему, не было.

Когда-то на этом месте была старая «китайская церковь», а затем жители Шивэя решили установить кумирню, чтобы «дожда просить», и сделали это всем миром, о чем рассказала А. Дементьева: *«Там ране была китайская церква. Меня ещо там не было. Ага. Она от потома-ка, но разрушилася она вся. Потом стали... <Соб.: В революцию?> Не-не, нет, до революции. Ага. Она после японцев. Ага. Она разрушилася-ка. Но всё это. А потома-ка эта, китайцы тожа — дожджа нету-ка, но дожджа просили. Потому-ка все по кырыччи притащили. Но, которы — ты два притащышь, тама десять штук. Вот церкву поставили китайску тама-ка вот. Потому-ка написали раізи, сделали, ну, эту написали, потома-та свечки жгли. А мы по первости-то тоже туда».*

Действительно, православные шивэйцы, а среди них были и «чисто» русские, и метисы, в какой-то момент решили принести в китайскую кумирню православные иконы — и таким образом образовалось общее для них место, куда можно прийти и помолиться. Скорее всего, невольным инициатором этого оказалась пожилая метиска, родственница А. Дементьевой — Нюра. Она жила не в своем доме, а у сестры, и ей некуда было девать одну из икон, так как, видимо, хозяева не очень хотели, чтобы та у них стояла. Икона была довольно большая по размеру и при этом совершенно темная, но совсем фирирована И. П. Башаровым и А. Г. Игумновым, преподавателями Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (Улан-Удэ).

избавиться от нее хозяйка не хотела, а потому и решила просто поставить ее в китайскую кумирню: «У нас была сродна сестра так мужа, тётки. А у ей икона была деревянна. Она жила у людях. Она грит: “Я, гыт, в людях живу, эту икону в церкву поставлю”. А я говорю-ка: “Сестра, — я говорю, — однако что негодна. Она жа китайска <церковь>. Китайска с нашими не подо...”. Она гыт: “Мне, гыт, нечѣ сделать. Она же ведь бы маленька была. А маленьки-то есть, она там но лъзя поставила”. Она у сродной сестры жила тоже. А эта больша деревянна, она, гыт, да её не видать было. Нисколь эта незаметно была, доска и доска. Она её в церкву поставила. <Соб.: Вот в эту китайскую?> В китайску» (Зап. от А. Дементьевой, 1942 г. р., метиски, с. Эньхэ) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2013. HD1].

После этой иконы в кумирню принесли также другие, и жители Шивэя стали ходить туда почти каждое воскресенье: «Те года-то — почти кажно воскресенья ходили. Тогда много было нас, а теперь не — редко. Теперь кто? Анна, она если дома. Ещё одна, да эта вот, почти... вот. А потом редко. Сейчас вызывают. Всё они вот. <Соб.: Те года — это когда построили церковь?> Те года — кака тута-то стоит, вот, вот эта одна кирпична. Иконы там были, икон мало было. Там все вместе — китайски иконы эта» (Зап. от Л. В. Ведерниковой, 1926 г. р., метиски, с. Шивэй) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2013. HD1].

Дальше события развивались почти чудесным образом. С одной стороны, поселковое начальство, наверное, обратило внимание на то, что православные шивэйцы собираются на молебны к китайской кумирне. С другой — видимо, и русские бабушки проявили инициативу: «Русски попросили — казна поставила. Просто попросили. Когда дождей нет, они отправляют старушек дожджа просить. <...> Дак от, када дожджа летом нет, правда, казна и говорит: “Вы подите помолитесь”. Вот мы помолимся. Там потом угоишают. Да. Барана... Ну, просто угоишают. Гулям, танцуем» (Зап. от М. И. Ланчуковой, 1930 г. р., русской, с. Шивэй) [Архив УНЦСА РГГУ. Трехречье 2010. HD1].
Здесь интересы начальства («казны») и

православных жителей Шивэя совпали. Первым необходимо было обеспечить любым способом урожайность многочисленных полей, а в засушливое лето это невозможно, и используются любые средства, в том числе и обращение к высшим силам. У вторых появилось свое место, куда можно прийти и помолиться. Интересно, что Мария Ивановна скептически относится к самой идее «просить дожджа»: «Да Бог не спустит, дак ты кого будет-то? Это просто так, кого. <...> Ну кто это назад это, он дождь пойдѣт не от этого, нападѣт». Те случаи, когда после молебна действительно шел дождь, она объясняет лишь совпадением.

О том, как строить «церковь», администрация поселка опросила двух русских старушек, живших тогда в Шивэе, но то ли те плохо объяснили, то ли уже забыли, как должно быть, — в итоге строители решили всё делать на свой лад, а потому возведенное сооружение мало напоминает православное строение: «Оне строили, спросили двух старушках, что этот, но как вы скажете, как строить. <...> Они старушков спросили, а я же не понимаю, а та там на туё, а это на ету. Но, а как это, я не знаю как это, но маленьку, маленьку. Они не знают, они рассказали, как её построить, они же ё русские, оне же в русских деревнях жили старушки. Они ни..., никто не касался-ка. А я ищо посмо..., пошла посмотрела, но они сделали-то широкую её. Я ду..., я думала, что они это, но по всей этой будут, они туды. Они же имя бы сказали, дверь суда вставлять, а суды бы же икона ага, а никто не ходил, они всё, они китайцы строили. Они не сказали, как китайцы по-китайски её построили» (Зап. от А. Дементьевой, 1942 г. р., метиски, с. Эньхэ) [ФК ИМЛИ РАН. Трехречье 2013. HD1].

Но незадолго до этого та большая деревянная икона, которая была помещена в китайскую кумирню, стала преображаться. Дело в том, что когда А. Дементьева вместе с Ньюрой принесли ее в кумирню, то из-за того, что доска была совершенно темной, они не разобрались, где у нее верх, а где низ: «Её ни лика не видать, нисколько. Мы с ей гвозь забили, повесили, гвозь-то заби-

ли вниз головой. Она не видеть! Не видно её, ага. А потому-ка я пришла, а я не понимаю-ка это. Ой, говорю, как кто-то неправильно, говорю-ка, икону-то зна, она вниз головой. Она стала понави..., пона.... <Соб.: Она стала поновляться?> Ага. Я потом её взяла эта, эта икону, ищю не думала, что мы с ей заколатили гвоздь-то неправильно. Не думала. Но думаю — неправильно. Я её... А потом туды кирпичи вот так наклали, а я её на кирпичи-то, она повыше жа, на кирпичи её поставила. Потом, грю, кто-то её вниз, эта икону-то, кто-то вниз головой. А это, видно, мы её поставили-то...»

Вниз головой икона провисела, видимо, почти год: «Она чё, домой когда — её осенью, однако, поставили. Ищю где там — всю зиму, да потом на Пасхе, там летом какой-то праздник был. А я была там. Она уж стала понавиться. Я не понимала. Я думала-ка, что это она. Ой, думаю, кто ж кверху ногам, головой поставил. <Это не заметно же, ни личика, ни...> (реплика присутствующего. — В. К.). Потом я её вот эдак-то и повернула. Повернула, она эта. А на другой-то раз пошли, тоже какой-то праздник, Богу-то молиться, старушки-то говорят: “Ой, икона-то понавилась!” Та: “Ой!” <...> Они, гыт, сразу... И перестала. Не знашь — и молчи, она ж будет» (Зап. от А. Дементьевой, см. выше).

Анна Дементьева очень сокрушается о том, что при иконе было сказано о ее поновлении: «А не думала, что она понафидится. Потому-ка народу, какой-то праздник был, много пришли. И говорят: “Ой! Икона-то понафидится!” Она сразу. Ты, ежли не будешь, она еще будет. Они как сказали, она сразу-та эта не стала. Кака была — и така. Никака... Ежли бы знал бы, никто не говорил, молчал бы. <...> Она бы как нова стала! Она, она дотсудова дошла, но уж всё заметно стало. Они: “Ой! Икона-то понафидится, икона понафидится!”».

Поновление иконы китайские русские оценивают как самое настоящее чудо: «Она чё жа, держит Иисуса Христа, Мать Марья и что ли, ага. Она Иисуса Христа дер..., тут возле её, эта. А у его эта, шапочка еще вот эта, вроде. Она краснеть стала. Краснеть и эта, у ей лицо-то заметно и эта тут така эта зелёна, тут-то красно это, буро это. <...> А потом зеленеть де-та, жёлта,

ага. Стало не шибко, а видно, что это. Ну и не верь! <...> Её нисколь не видеть было. А потому-ка, я говорю, это сестра эта: “Мы прибили гвоздь-то!” Она: “Дак не знаю — доска и доска!” Она понафидилась. Но вот говорят — Бога нету! (Зап. от А. Дементьевой, см. выше).

Лики Богородицы и Младенца на иконе сильно стертые, но в ней без труда узнается образ Владимирской Божьей Матери. Судя по характеру письма, она представляет собой, скорее всего, забайкальскую традицию иконописания и относится примерно к началу XX в. Лина Васильевна Ведерникова называет икону кипарисовой, и она сейчас занимает центральное место в «иконостае» шивэйской часовенки. Вокруг нее — более двух десятков различных маленьких икон, которые в основном были принесены жителями поселка⁵.

С самим этим «иконостаем» тоже была небольшая история. Вообще, китайский облик часовенки первоначально хотя и негативно воспринялся китайскими русскими Шивэя, всё же был ими принят: «А у нас народу тама-ка полукровцев мало, но мы думам, ека ладно, но уж как построили. Есь куда ходить нам на это, воскресенье, там ищю какой праздник русский, но туды Богу помолиться» (Зап. от А. Дементьевой, см. выше). При этом первоначально иконы висели напротив входа, что называется «по-китайски». Сейчас на это указывают только оставшиеся в стене гвозди и примыкающие к ней три «ступеньки», на которые, видимо, по мысли китайских строителей, православные должны были ставить свои иконы, как ставят в кумирнях скульптурки даосских божеств. Затем, после посещения часовенки «знающим» человеком (им оказалась, судя по услышанной мной реплике, Таисия Николаевна Петухова, единственная русская, живущая сейчас в Трехречье), все иконы были перевешены на правую стену от двери, т. е. теперь иконостас сориентирован по сторонам света так, как это и должно быть

⁵ Из интервью с Анной Дементьевой: «Теперь которы старушки русския, полукровка умерли, сыновья, дети, но дочери — оне же счас не понимают. Оне эти иконы всех в эту церкву снесли. Теперь их много». Подавляющее большинство из них бумажные и, скорее всего, привезены из России.

в православной церкви. Произошло это в промежутке между 2006 и 2010 гг. На упомянутых выше фотографиях коллег из Бурятского государственного университета «иконостас» часовенки имеет первоначальное расположение. В 2010 г., когда я впервые ее увидел, иконы были уже перенесены.

Как я отмечал выше, часовенка по своим размерам небольшая: человек в ней может стоять в полный рост, но находиться в ней одновременно трем-четырем людям тесно. Возведение столь «незначительного» сооружения, внешне похожего на даосские кумирни, повсеместно встречающиеся в Китае, в том числе и в Трехречье, видимо, не потребовало особых согласований с центральными властями. И заметим, что фактически несколько лет шивэйская часовня была единственным православным культовым сооружением во всем Трехречье — до того момента, как в 2009 г. в Эргуна был освящен храм в честь Иннокентия Иркутского.

Современное положение Китайской автономной православной церкви не способствует активному храмостроительству ни в Трехречье, ни в других регионах и провинциях Китая. Это с одной стороны. С другой — «народная» часовенка в Шивэе и церковь во имя святителя Иннокентия Иркутского в г. Эргуна в значительной мере удовлетворяют потребности православных китайских русских Трехречья, тем более при сохранении традиции посещения «крестовых» гор — своеобразных храмов под открытым небом (см.: [Кляус 2012]). Всё это говорит о том, что начало XXI столетия стало новым этапом в истории православных храмов Трехречья.

Литература

Жернаков 1975 — Жернаков В. Н. Трехречье. Окленд (Калифорния), 1975.

История 1940 — История // Церковь на чужбине. Юбилейный журнал 1920—1940 гг. Издание Верх-Кулинского старообрядческого церковного попечительства храма Успения Пресвятой Богородицы из Трехречья. Харбин, 1940. С. 3—6.

Кляус 2012 — Кляус В. Л. Крестовые горы в культурном пространстве Трехречья (КНР) // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 102—107.

Лукин 2013 — Лукин В. И. Статус Китайской автономной православной церкви и перспективы православия в Китае. Институт международных исследований МГИМО — Университета МИД России. Аналитические доклады. Вып. 4 (39), ноябрь 2013. М., 2013.

Постановление 1966 — Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о Великой пролетарской культурной революции (8 августа 1966 г.). URL: <http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm>

Православие 2010 — Православие в Китае. М., 2010.

Тарасов 2003 — Тарасов А. П. Забайкалье и Китай. Опыт анализа международных связей. Чита, 2003.

Троицкая 2002 — Троицкая С. С. Харбинская епархия, ее храмы и духовенство. К 80-летию со дня учреждения харбинско-маньчжурской епархии. 1922 — 11/24 марта — 2002. Брисбен, 2002.

Шестаков 1943 — Шестаков М. А. Благотатное Трехречье // Вестник казачьей выставки в Харбине. 1943 г. Харбин, 1943. С. 192—195.

Сокращения

Архив УНЦСА РГГУ — Архив полевых исследований Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета.

ФК ИМЛИ РАН — Фольклорная коллекция отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Summary. The author describes orthodox churches of the Three Rivers, Chinese territory at the Interfluve basin of 3 rivers (Gan, Derbul, and Khaul), that are dexter feeders of the Argun-river, otherwise called Sankhe Tsiui, Manzhouli (Inner Mongolia). Information is given about the churches existed during 1920—1950-ies, when a considerable number of emigrants from Russia inhabited there. We present data about the orthodox church that keeps acting currently in the city of Jergun, and the chapel in the village of Shivay, whose parishioners are the Chinese Russians, as well as about other buildings that look like buildings for religious worship. Folklore recordings obtained by the author from the Chinese-Russian chee-chee performers complement the history of the Manzhouli churches during the period from the second half of the XX century up to the beginning of the XXI century.

Key words: Orthodoxy in China, the Three River region, folklore of the Chinese Russians.